

это неслыханное дѣло. Но попавшиe па
лѣтнee мѣсто прежде падали духомъ; оди-
ни—плыли въ родныя гнѣзда, въ какую-
нибудь хату матери, замужней сестры;
другие слонялись какъ мухи въ сметанѣ,
спускали старьевщикамъ спачала рухлядь,
потомъ завѣтныя вещицы, а дальше... на-
чиналось униженіе, лизаніе антрепренер-
скихъ рукъ. Теперь пищутъ частной рабо-
тишки (далеко не всѣ, конечно, но и за
то спасибо!); какъ ни трудно ее найти
(мало вѣры въ нашего брата, да *на время*
и не берутъ), но пѣкоторые таки при-
страиваются: они съ восторгомъ объяв-
ляютъ еще на масляной: „я припасъ себѣ
мѣстечко въ баракахъ желѣзной дороги“,
„я буду маклеровать по части фортецьянъ
у Г*.“ Хвала имъ *)! Менѣе счастливые—

---

*) Вотъ что разсказывалъ мнѣ И. С. Лав-
ровъ.—Наклонулось мнѣ мѣсто смотрителя
завода въ Кіевской губерніи; ни бельмеса я
не смыслилъ, а взять — кушать надо. До-
сталъ книгъ, не понимаю. Что тутъ дѣлать!
Придумалъ. Заберусь ночью на заводъ,—ви-
жу дежурный выпускаетъ царъ. Я его сей-
часъ—цапъ! Стой! Зачѣмъ это дѣлаешь? —
Такъ, моль, и такъ.—А эта штука какъ на-
зывается?—для чего она?—Такъ и такъ. —
Молодецъ! Вѣрно. На двугривенный! Вы-
учился вѣдь, да еще какую славу пріобрѣлъ:
у него, говорятъ, не задремлетъ!

сбиваются кое-какъ на пивной машинку и цѣлые дни и ночи стучить эта машинка; ищутъ вѣрь починить, куклы дѣлаютъ... Все это факты. Тянуть не въ антрепренерскія конторы просить „впередъ“, не на чужie хлѣбы... Удѣльные экземпляры крѣпостной эпохи, говорающіе *хучъ*, *хвантанъ*, *жандаръ*, въ мало-мальски порядочной труппѣ не находять мѣстъ. хоронятся въ жалкихъ трупахъ „антрепренеровъ“; полураздѣтыя съ желтыми шиньонами актрисы сыгаютъ разъ, два какую нибудь свою Далилу или Елену и пропадаютъ безъ слѣда въ золотой клѣткѣ какого-нибудь „покровителя“. Пьесы и роли назначаютъ *сами*, а не антрепренеры и ихъ режиссеры. Стало толковать о какомъ-то народномъ, земскомъ дѣлѣ, о товариществѣ; не связанные прежде ни общей идеей, ни даже любовью къ искусству, тянувшіе въ раздробь начали чаще и чаще собираться въ болѣе или менѣе сознательныя кучки, въ такъ называемые *соссiete*, издавна мелькающія то тамъ, то сямъ въ закулисномъ мірѣ...

Богатые и солидные антрепренеры не то растерялись, не то устали; ищутъ компаний; труппы видятъ ихъ только въ особенно - торжественныхъ случаяхъ; за

шихъ отдуваются управляющіе, секретаріи.
Монополія театровъ уничтожается...

Видимо растетъ что-то новое, въ основѣ чего лежитъ одинаковое для всѣхъ право на существованіе.

Я не хочу этимъ сказать, что прежде не было ничего подобнаго. Было, но какъ рѣдкія исключенія, творимыя не созательно, не съ мыслью „такъ лучше“, „иначе нельзя“.

Въ этихъ *соссіете* я вижу первое звѣнно общинны русскихъ актеровъ. Я вѣрилъ и вѣрю, что это *будетъ*. Не надо только смущаться безучастіемъ, терять надежды. Въ короткую человѣческую жизнь, а тѣмъ болѣе въ какихъ-нибудь 10 — 15 лѣтъ, нельзя смыть у цѣлаго сословія его характера и физіономіи. Но можно и должно сдѣлать, чтобы думы объ общинѣ актеровъ (работа безъ антрепризы, собственныя школы, пенсія и проч.), проникли и въ тѣсную будку супфлера съ землянымъ поломъ, и въ уборную артиста, знакомаго съ громомъ похвалъ и ругани.

Сначала мы не могли переварить мысли объ общинѣ актеревъ. Я живо помню насмѣшки и остроты, сыпавшіяся на предлагавшихъ это дѣло. Нашлись товарищи, которые указали невѣроящимъ, что *былые* Ваньки и Петрушки, приказчики, художни-

ки, завёли производительные артели, общественные гвоздарни, сыроварни, ссудооберегательные кассы; рассказали подъ шумъ увертюръ, какъ цвѣтеть, а если не цвѣтеть, то и не гибнетъ на Руси община въ видѣ артели. Только мы, русскіе актеры—учителя народа, одни мы глухи и нѣмы!—Стали переваривать... Глаза молодежи засяли; она стала задавать вопросы: а за границей есть что подобное? были попытки? гдѣ бы прочесть? Эхъ, бѣда, не знаемъ мы ни одного языка! Какую-бы грамматику и лексиконъ купить? Даже старики, съ накладками, нагрудниками и вставными челюстями, чѣмъ-либо оскорблённые антрепренеромъ, трепещущими отъ обиды губами лепечутъ: общину бы намъ! Подать-бы въ градскія думы заявленіе о снятіи театровъ общиною... копѣйку-бы съ рубля удерживатъ на пенсіи... Хорошо-бы, а? — Они уже стали думать, что это *ихъ* мысль, что они *всегда* ее носили. Развѣ это не успѣхъ? не радость? Успѣхъ, мои дорогіе товариши, успѣхъ. Но...

Одинъ умный человѣкъ сказалъ: если мы пришли послѣ другихъ, то для того, чтобы дѣлать лучшее другихъ, чтобы не впадать въ ихъ ошибки. Послушаемъ его совета и провѣримъ наши попытки осуществить лучшее.

Приведу три грустныхъ случая изъ моей жизни...

Лѣтъ восемь тому собрались мы играть *состязание* въ Симферополѣ. Самый меньшій заработкаѣ былъ—одна марка, самый большій—четыре. Собралось такихъ марокъ, сколько помню, тридцать восемь, т. е. каждый сборъ, по вычетѣ расхода, дѣлили на 38 частей. На жалованья у насъ были только рабочіе; оркестру платили отъ вечера; кассиромъ сидѣлъ свободный актеръ, репертуаромъ и вообще сценой завѣдывалъ я, хозяйственной частью И. Н. Александровскій, — безвозмездно. По тогдашимъ ладамъ дѣло пошло хорошо. За первый мѣсяцъ, при четырехъ спектакляхъ въ недѣлю, пришлось на четыре марки 230 руб.—Вдругъ явился на дорогѣ камушекъ, который мы сразу не столкнули — и ступили все дѣло. Въ труниѣ была актриса, вѣчно ворчащая какъ старая няня. Сначала ея воркотню, наставленія мы объясняли желаніемъ добра, искренностью. Мы ошиблись. Начались пикировки, обвиненія, призывы прислугъ для уликъ, примиренія... Сплетня до того опутала всѣхъ, что разъ „старая няня“ громогласно заявила на сценѣ, что И. Н. крадеть огарки. Часть труниѣ была подавлена мерзкою выходкою старухи; другая

часть—воровствомъ товарища. И. Н. смылся... Смылся и я. Онъ работалъ безвозмездно и назвать его воромъ за огарокъ — еслибы онъ и дѣйствительно его взялъ — было бы сумасшествіе. Во вторыхъ все знали, что въ кассѣ стоялъ цѣлый мѣшокъ этихъ огарковъ, приготовленный для продажи жидамъ. — Черезъ горничныхъ и рабочихъ сплетня полѣзла въ городъ... На настѣ стали смотрѣть некрасиво. Налетали сценки въ трактирахъ. Кредитъ лопнулъ, сборы упали. Мы прекратили спектакли.

Мы подошли къ дѣлу не просто и довѣрчиво, а съ камнями за пазухой.

Другой случай. Черезъ тотъ городъ, где я игралъ, должно было проѣхать одно важное лицо и посѣтить спектакль. Выбрали два акта оперы „Риголетто“, хоръ гостившаго въ городѣ Славянскаго и... водевиль „Средство выгонять волокить!“ Роли двухъ молодыхъ людей захватили—ну, назову ихъ хоть — М—скій и Дмухановскій (обоимъ было вмѣстѣ лѣтъ 110 примѣрно), наивной дѣвочки-служанки — белая Милохехотова... Ждали-ждали гостя—нѣть! Оказалось, что гость прибудетъ на другой день. Приказали все-таки играть. Сыграли. Водевиль прошелъ среди глубокой тишины... Гость прибылъ на

другое утро и изъявилъ желаніе быть въ театрѣ. Перепечатали афиши и—о ужась! водевиля не оказалось. Какъ? почему?— Ужь очень скверно! былъ отвѣтъ.

На другой день миѣ встрѣтился помощникъ режиссера.—Я васть лицу, говоритъ: М—скій васть просить къ себѣ. Приглашеніе удивило меня: съ М—скимъ въ то время я даже не кланялся.—Очень проситъ. Тамъ всѣ... и актрисы. Пошелъ. Комната была биткомъ набита. Говоръ, дымъ столбомъ.—Что надо?—Вотъ какую бумагу посылаемъ антрепренеру, всталъ М—скій, вышелъ па середину комнаты, надѣлъ пэнсъ-нэ и началъ читать съ чувствомъ и разстановкой. Все затихло. „Въ нашемъ лицѣ, гласила бумага, оскорблено все завѣтное, все русское... выставлены были не мы, а итальянцы... а потому мы, нижеподписавшіеся, отказываемся служить“.—Такъ вотъ, спросилъ М—скій желаете вы подписать? Тутъ уже пять подписей!

— Русскій элементъ не оскорблень, участвовалъ русскій хоръ Славянского.—Но поймите же, разсердился М—скій, Славянскій—гость, чужой... мы хозяева... мы должны были! Стыдъ, позоръ! Все итальянцы, итальянцы,—а насъ точно нѣть!— Гнать надо км.! эту итальянскую пакость!

вскипителся Дмухановскій! — Гость самъ спросилъ: развѣ нѣтъ русской труппы? — Очень, говоритъ, было бы пріятно... — Да я, для русскихъ, помилуйте!..

Голоса росли и росли, набѣгая на меня какъ волны. — Что же послѣ думаете дѣлать? спросилъ я. — Мало развѣ свободныхъ театровъ! Поѣдемъ компаніей. — Десять тысячъ жертвуя км.! коли на то пошло! стукнулъ Дмухановскій кулакомъ по столу. Еще какой процентъ съ васъ заработаю! Костюмы, библіотека — все у меня лежитъ въ С*. Черезъ недѣлю будуть здѣсь! — Это вѣрно? спросилъ я. — Да чего, махонькіе что ли! Не фисташками балуемся.

— Десять тысячъ... М—скій... Дмухановскій... столбы театрального міра... вотъ случай осуществить общину актеровъ! мелькнуло у меня. Я подмахнулъ бумагу, дрожа отъ восторга. За мнай потянули и остальные, точно они ждали, что я сдѣлаю.

— Удержать насть не смѣютъ, расписался М—скій. Этотъ случай подходитъ подъ § force majeure. Я, Дмухановскій, еще человѣкъ пять, безъ контрактовъ... съ кѣмъ-молъ я буду играть, когда они уѣдутъ? Поди-ка найди актеровъ: теперь осень.

— Да я для русскихъ, помилуйте! вы-

ходила изъ себя актриса, вся въ черномъ какъ монахиня.

Старикъ Л., почтенная личность съ бѣлой бородою, уговаривалъ въ уголкѣ свою дочь: подишиши, Кароля! Тутъ вѣдь о чёмъ-то русскомъ... мы вѣдь поляки — еще заподозрятъ... А?—Кароля подишеала... Поднялся шумъ, всѣ говорили въ одно время. Всѣ ожидали отъ мысли веадить нику... кому? Имя не произносилось, но всѣ знали, что этотъ *кто-то* — врагъ. Начали высчитывать барышни антреиреперовъ. Рѣшили, что всѣ они міроѣды. Грабежъ!.. нашъ трудъ!.. чего глядимъ!.. сыпалось по угламъ, у оконъ, и больше всего у стола съ закуской.

— Я *свою* растормошу, право! разсуждала актриса-камелия. Я его накрою тысячъ на пять... Вѣдь послѣ вы возвратите ихъ мнѣ?

У меня спѣла гвоздемъ одна мысль въ головѣ: тутъ затронуто самолюбіе двухъ столбовъ—этого достаточно!

Черезъ часъ уже весь городъ зналъ, что театръ безъ русской трушины... Мы глядѣли бодро. Супруги не ссорились, гражданскіе голубки не ревновали другъ друга, холостежъ сиустила въ теплыхъ углахъ по десятку рублей. Хорошо провели день и ночь.

Утро принесло повѣстку „явиться къ такому-то въ 10 ч.“. Явились. Не урезонили. Все еще было хорошо, т. е. какъ будто похуже, но все-таки хорошо.

Другое утро; требование къ другому лицу. Мужчины облеклись во фраки, дамы въ черные платья. Одинъ актеръ оказался въ „казенномъ“ фракѣ, другой—въ плисовомъ жилетѣ. Рѣшили помѣстить ихъ сзади. Тронулись гурьбой. Публика останавливалась, глазѣла, испытывала „актеры, актеры“. На бульварѣ вспомнили анекдотъ Вейнберга о козлѣ и генералѣ.— Ну-ка, ну-ка, Соколовъ, изобрази! Соколовъ изобразилъ. — Какъ? какъ? Иодай ему водки и селедки?! заливался Лошадкинъ; Соколовъ вторично велѣлъ подать водки и селедки. Ха, ха, х... хо, хо, хо раскатывалось по бульвару. Какой-то мальчишка, съ рожей въ сажѣ, съ сапогами въ рукахъ, шедший передъ нами задомъ напередъ, тюкнулся, повернулся, брыкнулся ногами и пустился рысью. Всѣ были очень веселы.

Въ передней обдернулись, оправились заговорили шепотомъ. „Плисовый жилетъ что-то ужъ очень долго возился съ своими сапогами. М—ской молодцевато выпялилъ грудь и вошелъ въ прѣмную, за нимъ новалии остальные. Въ прѣмной

обрѣтался одинъ дежурный. М—скій заговорилъ съ нимъ о характерѣ Іоанна Грозднаго. Прошло полчаса. Дамы сидѣли какъ поизвѣни на имянинахъ. Хорошо-бы теперь водки и селедки! крикнула резонеръ. — Тсс! укоризненно замѣтило двѣ три голоса.

Портѣра приподнялась. Всѣ встали. Оказался не онъ... Портѣра вновь приподнялась. Вошелъ господинъ крошечнаго роста тихою мягкою походкою. Отдали благоговѣйный поклонъ.

— Очень жалѣю, господа, что такому грустному случаю обязана лично познакомиться съ вами, произнесъ онъ ласково, потирая мягко руки и умилъно глядя на всѣхъ какъ котъ. М—скій и Дмухановскій выдвинулись впередъ.—Я не вижу, господа, продолжалъ котъ, тѣхъ причинъ, которыя заставляютъ васъ претендовать. Вамъ объяснили причину, почему сняли съ афиши русскую пьесу.

— Помилуйте, ваше—ство, если та пьеса не понравилась — можно было поставить другую... Мы—русскіе, и вдругъ—не играли... это больно! отозвался М—скій мягкими, низкими нотами со слезой въ голосѣ.

— Да я, для русскихъ, помилуйте! выстрѣлила актриса въ траурѣ.

Котъ глянулъ на нее и улыбнулся, какъ отецъ ребенку.—Обиды не вижу никакой Славянскій съ хоромъ пѣлъ русскія пѣсни.

— Мы хозяева... км.! русскіе... мы должны были принять гостя, а не чужіе! замѣтилъ Дмухановскій.

— Мы были на афишѣ, убѣждаль М—скій. Намъ нельзя на улицу выдти... смеются... Я первый не могу здѣсь слушать.

— Ваша воля.

— Я тоже, км.!

— Да я для русскихъ...

— Уѣзжайте. Антрепренеръ будетъ искаль съ васъ путемъ закона. Больше я ничего не имѣю вамъ сказать.

Поклонъ. Мы высунули молча въ переднюю; молча надѣли верхнее платье, молча вышли на улицу.

— Км... км... это что-жь!

— Я уѣду! рѣшилъ М—скій, поскабливая неспѣшино пальцемъ щеку. Меня въ Казань зовутъ. Срамъ.

— Км., меня Тифлісъ приглашаетъ.

— Позвольте, господа, уѣхался я: какъ же это... а соссисте?

— Соссисте! соссисте! загорячился М—скій. А гдѣ у васъ деньги снять театръ? костюмы? библіотеку?

— Да вотъ Дмухановскій говорилъ...

— Км... я, господа, не проще только
какже безъ М-ской.

— Я не развеудиль тогда, признался
Лошадкинъ; я теперь вику—русскій эле-
ментъ не оскорблень. Я пойду въ кон-
тору; сегодня истати и жалованье полу-
чать.

— Жалованья не дадуть, замѣтилъ
М-ской. Отказались служить.

— Какъ? что? не дадуть? какъ-же...
это нельзя! посыпалось съ женскаго от-
ряда.

Тропнувшіеся въ контору тамъ никого
не нашли... Дома поднялся приказъ. Су-
пруги ругались, голубки грызлись, холо-
стечка изъ себя выходила.

— Такъ нельзя! отговаривалъ реноомъ
кухни и передней. И ему... а онъ... на
Литерника! Ить, ивалины! Это и къ ми-
ровому... ложиши!

Вечеромъ въ конторѣ звялись объясне-
нія. Управляющій и патронъ сіяли... Те-
атръ скѣтился, какъ фосфоръ въ темно-
тѣ. Точно торжество тамъ совершилось.
великое таинство... Да, величайшее таин-
ство... Всѣ сѣяли и скорѣе на улицу. Хе-
лодная ночь такъ нужна была намъ, ио-
терявшимъ всякое соображеніе! Опытомъ
боялись! утѣшать я себя, бредя по улицѣ.
Еще слава Богу, что такъ кончились! Будь

у антрепренера малейшая возможность заручиться гдѣ-нибудь двумя-тремя премьерами, сколько ни оставалось бы побираться... черезъ меня! Да, черезъ меня. Я, баранъ, повѣрилъ. Моей подииси всѣ ждали... А образованный... хороши! Очень хороши! Пока будуть *такие* люди въ театрѣ, мы будемъ вѣчно валяться въ грязи.

Отдаю на вашъ судъ, товарищи, мою грусть и мой стыдъ.

Нечальное третье дѣло, о которомъ я хочу разскказать, было лѣтъ пять тому назадъ. Ни на одну минуту я не вѣрилъ въ его успѣхъ, однако голодъ заставилъ винтаться въ него... Это было въ маѣ. Обсчитанные на первой недѣльѣ поста (наир, за февраль наась разсчитали не какъ за мѣсяцъ, а за 28 дней—постъ начинался 1-го марта); оголодавшіе въ посту, взявшиѣ уже *впередъ* изъ слѣдующаго зимняго сезона, мы узпали въ маѣ, что театръ въ Керчи свободенъ. М—скій предложилъ соесисте. Послали телеграмму въ Керчь и кое-кому изъ актеровъ. Отвѣты получились удовлетворительные. Ни одно изъ моихъ предложенийъ не было уважено: я настаивалъ, чтобы *всѣ* участвовали въ дѣлѣ; М—скій наимѣлъ, что это „жирию будеть“; настаивалъ не набирать много на жалованье;— по сметѣ М—скаго оказалось на 600 руб.,

помимо платы за театръ, вечеровыхъ и др. расходовъ... Покорился. Денегъ ни у кого не было. Ивились доброжелатели: антрепренеръ и управляющий. Они поручились за насъ у жандовъ. Я взялъ сто рублей, обязуясь вернуть 120 черезъ два мѣсяца. М--скій хватилъ что-то рублей 500. Начались расходы: плата за театръ, выдача кое-кому впередъ изъ будущихъ на жалованье, выдача дорожныхъ, своя дорога... Въ компанию вошло пась только пять человѣкъ. Переѣздъ былъ моремъ.

Прибыли. За квартиру потребовали впередъ... Черезъ недѣлю я и Е. Р. уже брали изъ трактира только одну порцію щей; у погъ визжала собаченка съ подведенными боками... ну, и отдавали ей то, что уже занесено было въ ротъ и осматривано глазами. М--скій предложилъ столоваться у него по 15 руб. съ человѣка. Согласились... Наконецъ всѣ съѣхались, уладили репертуаръ на десять спектаклей.

Три-четыре сбора помазали по губамъ. А тамъ пошло хуже и хуже: публика предпочитала сады дуиному театру. Между нами начались сценки. Колокъ спустилъ Лошадкинъ, упрекнувъ М--скаго (онъ завѣдывалъ хозяйственою частью) дорожевизною рѣшетки для Клары д'Обервиль... Я люблю все дѣлать не по свин-

ски отвѣтилъ М—скій. Это вы привыкли тамъ, въ какомъ-нибудь Царевококшайскѣ. И помило...—Не понимаешь!—Нѣть, понимаю! — Не толкуй! — Толкую! На другой день подбавили актрисы. — Нѣть ужь извините, сегодня эту уборную я займу!—Отчего же вы, а не я? — У меня платья...—А я голая хожу, что ли! и т. д.

Передернемся съ голодухи! такъ и звучало мѣръ отовсюду. Гдѣ наше милое, желанное дѣло? Однѣ усилия мыши пѣть канарейкою...

Недѣли черезъ три М—скій отказался платить свою долю приглашеннымъ на жалованье.—Я не хочу кормить другихъ... я самъ Ѵсть хочу! Миѣ пришлось двѣстѣ рублей за все время... повару моему мало!— Но вѣдь мы пригласили всѣхъ до августа... — Кусокъ мяса вырѣжу, что-ли!— Дѣло не такъ плохо. Будемъ играть всѣ на *маркахъ*. Тѣ, которые получаютъ 30—40 р., получать 10—20 р.: они и за то спасибо скажутъ.—Вотъ! Стану я воробѣевъ гонять въ театрѣ, гдѣ это слыхано! Я тридцать лѣтъ *артистъ*.—Вѣдь вы же мѣста не имѣете! Лучше-же, чѣмъ сидѣть на балконѣ да глазѣть.—Да, вотъ такъ на балконѣ и буду сидѣть.—Будемъ наконецъ рѣже играть... публики будетъ больше... при *маркахъ* это не изъ кармана деньги,

а въ карманъ... все заработкаемъ что-нибудь. — Не хочу, да и все! Толкай тутъ. Зарядилъ монте-кристо и трахъ въ бѣжавшую собаченку, та завизжала...

Завизжали и мы. Вѣдь многие тащились за тысячу верстъ! Сыграли безъ него два спектакля: публика, не видя имени лучшаго артиста, не шла. Дѣло стало. Обманутые товарищи сначала кипятились, потомъ стали паходить, что М—скій правъ, поступить такъ, что даже у антрепренеровъ и въ дирекціяхъ такъ бывало... У насъ своя манера протестовать. Сначала какъ будто хорошо, потомъ круженіе, отыскиваніе выхода... Антрепренерскія „кофѣна“ пріучили насъ ко всему!

Ницета глянула во всѣ глаза... Плате и весячи полетѣли за безѣною. На пристани можно было замѣтить актериковъ удящихъ бычковъ: сварять ихъ — тѣмъ и сыты. А въ какомъ-нибудь Саратовѣ или Киевѣ нужны были „до зарѣза“ хоть плохіе актеры на иѣкоторыя роли! Но тамъ не знали, где найти ихъ, какъ и они не знали, где нужны... Оніять обратился къ одесскому антрепренеру, и оніять тогъ изручился за меня у ростовщика въ 150 р. Чего ему не ручаться: легко, удобно, и зимой я у него не искашу! На прежніе 120 руб. жидъ накинулъ процентъ... Т. е.

считая великопостный долгъ, изъ зимнаго сезона у меня уже не было 400 р. Изъ Симферополя прилетѣлъ антрепренеръ Пилони „не набирать труину — и быть! по семейнымъ дѣламъ“. Усѣлся въ грязненькой гостинице, денъка черезъ три расправилъ занѣки, протянувъ ихъ — и ухватилъ съ пятокъ отощалыхъ мушекъ.

Такъ нечесть театральная печь!

Эти три случая достаточно характеризуютъ: *соссіете* — когда всѣ хозяева (какъ и должно его понимать), *соссіете* — пятиголовое (также антреприза), и *порывъ* положить фундаментъ общинѣ. Лучшаго пока я ничего не вижу. Развѣ то, что недавно въ Николаевѣ панивали на занавѣсѣ „конецъ эксплоатации“ — и... тѣмъ покончили. Соссіете, какъ оно проявлялось до сихъ поръ, не дало ничего хорошаго въ *черную* минуту, я не говорю уже о старости, о семье... запрягли мы русскую тройку „авось, небось да какъ нибудь“ — и только тончень молодые всходы.

Мало развитые, мало солидарные, мы не можемъ идти на неизбѣжныя жертвы; при первой неудачѣ теряемся, дѣлаемъ глупости, которыми только даютъ право всякому плевать на наши порыванія къ лузиному. Мы не достигаемъ щѣли не столько отъ вѣнчанихъ препятствий, сколько

отъ внутреннихъ причинъ. Одни изъ настъ (меньшинство), стремясь къ лучшему, не уяснили себѣ ясно формъ будущаго дѣла; другіе (большинство) носятъ на погахъ тяжелыя гири—старая привычки и попытія. И тѣ, и другіе превращаютъ хорошее дѣло въ какую-то селянку, въ которой все есть кромѣ нужнаго. Ни строители, ни среда не готовы. Первые не па столько крѣпки и честны, чтобы откровенно сказать „имѣтъ“ на вопросы: ясно ли для нихъ, чего они хотятъ? готовы ли они сами? есть ли помощники? Не обезпечивъ себя съ этой стороны, мы только озлобляемся на антрепризу и на тѣхъ, которые идуть за нами потому только, что *не могутъ* идти. Вторая (среда), изуродованная жизнью, неспособна вѣрить въ благотворную силу нужды: въ нуждѣ она умѣеть только продать все дорогое, упираться, пожомъ нырнуть... При малѣйшей возможности имѣть място у антрепренера, единицы этой среды бѣгутъ къ нему:—у меня дѣти... у меня кусокъ хлѣба и уголь будетъ... миѣ впередѣ дадутъ.—Какъ-же большинству не вѣрить, что антреприза надежиѣ! А это заблужденіе, ужасное заблужденіе. Какіе итоги нашего племянья отъ хозяина къ хозяину? кто изъ актеровъ отложилъ себѣ тысячечку-другую

а черный день? *Никто*. Есть у некоторых и больше, но они богаты или наследствомъ, или женою-камелей, или временнымъ антрепренерствомъ, или такою сквердною жизнью, которой позавидовалъ бы Гарнагонъ *) Иной, пожалуй, прослуживъ десятокъ лѣтъ на одномъ мѣстѣ, купитъ хатку или хуторокъ, но на долго ли? Не сегодня—завтра они пропадаютъ въ залогъ или продаются. Честный актеръ богать ревматизмомъ, болѣзнью глазъ отъ дневныхъ репетицій при огнѣ, хроническими катарромъ горла, каменной болѣзнию. Кидаясь на антрепренерскую приманку, какъ бабочки на огонь, мы убиваемъ себя и семью съ отчаяннымъ педомыслиемъ. „Строители“ помогаютъ этому избѣнію своими сосситетами...

О славномъ дѣлѣ мы мечтаемъ, но нѣть спленки и умѣнья. Отчего же тоже самое театральное дѣло антрепренеру выгодно, а намъ нѣтъ? Неужли одинъ антрепренеръ умнѣе двадцати актеровъ? — Миръ возразить: теряютъ и антрепренеры. Что?

---

*) Въ К—П—кѣ умерла недавно одна актриса. Она жила всегда въ подвалахъ, имѣла одну блѣдую и одну ватошную юбку, три сорочки, четыре платья; съ ней противно было одѣваться, актрисы всегда держались отъ нея на почти гигантскомъ разстояніи. И что же? Послѣ смерти нашли у нея 4 т. р.!

Развѣ братъ изъ кассы на базарь и квартиру съ коврами—потеря? Потеря на ихъ языки — не отнести въ банкъ, на житье въ сласть. Не выкладываютъ они тысячу изъ кармана, а кладутъ туда.—Въ черную минуту ихъ выручаетъ капиталъ!—И это ложь. Не капиталъ выручаетъ, а кредитъ... Кто изъ русскихъ антрепренеровъ, послѣ крѣпостной эпохи, началь дѣло съ капиталомъ? Если и было два-три такихъ и прогорѣли, то прогорѣли по своей винѣ, отъ невониманія дѣла, отъ ничего-недѣлania, отъ управляющихъ-хищниковъ, отъ жажды заводить метрессокъ между актрисами и проч. Волосы имъ стригло не театральное дѣло *)... Съ несчастными пятышестью сотнями, подчасъ перехваченными у нашихъ-же пріятелей, жидовъ, да съ казенной субсидіей, начинаютъ они дѣло. Я по нальцамъ всѣхъ пересчитываю... И все-таки ихъ дѣло — теплое дѣло! Они—орлы, а мы... Мы лѣземъ въ какой-нибудь плюгавый городишко, держимся мѣсяцъ,

---

*) Въ семье не безъ урода. Антрепренеры: Дюковъ (Харьковъ), графы Морковы (Одесса), Рокотовъ (Кіевъ и Новочеркасскъ, прямо могутъ смотрѣть въ глаза актеровъ). Но не всѣ актеры могутъ отвѣтить имъ тѣмъ же...
Поздн. прим. Л. С.

а не сезонъ, не зимній мѣсяцъ, а лѣтній, не стучимся ни въ одни *большія* двери, теряемся при первой неувѣгодѣ... Кто-же мы? Нѣть ни умѣнья, ни путей, ни силь.

Намъ предстоитъ двойная работа: серъезное развитие и искаеніе путей. По мѣрѣ свѣта *внутри*, намъ будетъ легче *наружки*.

Поднятіе нравственного уровня среди болѣе или менѣе обезнечено: съ каждымъ сезономъ приливается на сцену образованная молодежь. Теперь уже въ преданіе отошли прежніе типы актеровъ: дворовые чомѣщиковъ-меценатовъ, сидѣльцы, бѣжавшіе отъ домашней грозы... Остается образованному меньшинству обратить вниманіе на себя, придать будущему дѣлу *серъезный характеръ*.

Всегда были и будутъ тупые и деревянные люди, для которыхъ рычагъ—не благо, а деньги. Покажи имъ деньги, они побѣгутъ и въ ту страну, гдѣ растетъ ягода морошка. А потому, уважаемые мои собраты, не лѣзьте вы въ соссіете безъ фонда. Если хотите, чтобы починъ святаго дѣла явился во всеоруженіи, чтобы нечистые плевки въ него не летѣли, хлопочите о *кредитѣ* въ обществѣ, т. е. о театре съ субсидіей. Ищите Одессу, Кіевъ, Казань, Тифлисъ, Вильно... Сдача театровъ

почти всюду зависить отъ градскихъ думъ.
Вотъ куда надо бить.

И вотъ, мы стоимъ лицомъ къ лицу съ публикою.

Публика такъ втянулась въ заведенный исконній театральный порядокъ, что лучшимъ изъ нея и въ голову даже не влѣтаетъ положить ядро новаго дѣла. И въ тоже время она подноситъ десятки пятипроцентныхъ билетовъ какой-нибудь „Нормъ“ или „Прекрасной Еленѣ“; жертвуетъ купно съ городскими думами десятки тысячъ на разныя *внѣшнія* украшенія театровъ: то распишутъ потолокъ флейтами, барабанами и палитрами, то сотрутъ, то обобьютъ ложи малиновыми съ золотомъ обоями, то замѣнятъ просто малиновыми, то пристроить залъ къ буфету, то урѣжутъ сцену и прибавятъ тѣмъ рядъ креселъ и ложъ... Это „*то*“—безъ конца. Все для вѣнчности, для *себя*. А для *внутренней* жизни театра, для *актеровъ* — ничего: мы точно не существуемъ. Мы и въ собачей конурѣ одѣнемся, и на морозѣ отвалляемъ что нужно.

Я говорилъ объ этомъ съ нѣкоторыми изъ публики. Ихъ шугаетъ наша нищета, наша „отпѣтость“. Публика не понимаетъ, что большинство уважаемыхъ ею антрепренеровъ, снимая театры, ничего не

имѣли, потому что своя тысяча, да перехваченная у живодѣй—не деньги. Такія деньги и мы наберемъ. У насъ есть хоть талантъ, у антрепренеровъ и этого нѣтъ. Но у нихъ есть вѣрный ключъ, который отмыкаетъ замки городскихъ думъ и прессы: хитрость, іезуитскіе подходы, умѣніе найти лазейки. Кто-же больше „отпѣтъ“? И поэтому антреприза живуча какъ акула: зацѣни ее багромъ, распори животъ, выбрось въ воду, она все шевелитъ своими срашными плавниками. Примѣровъ бездна. Не то, что команіи актеровъ, подходящихъ къ дѣлу просто и довѣрчиво, но даже новому антрепренеру сковырнуть *старого* нѣтъ силъ *).

---

*) Вотъ случай на выдержку. Въ посту 72 г. кончался контрактъ кіевскаго антрепренера. Налетѣло въ Кіевъ нѣсколько претендентовъ, изъ нихъ два-три съ именемъ и капиталомъ; городъ требовалъ драматическую труппу, оперетную, а зимой и русскую оперу; за это давали, если не ошибаюсь, 4 т. субсидій. Претенденты согласились. Добавили пунктъ: выстроить народный театръ къ осени. Одинъ написалъ „самъ хотѣлъ просить о томъ-же и субсидіи *не беру*“. Опросили старого антрепренера. — Дайте 8 т. субсидій.—Но берутъ безъ субсидій! — Отдавайте.—Мы хотѣли бы васъ.—Восемь тысячъ...— Но вѣдь...—Отдавайте!—Претендентамъ от-

Ясно, что возлагать надежды на то, что публика поможет *нашему* дѣлу — ребячество. Но въ нашихъ рукахъ есть вѣрное средство убѣдить единицъ изъ этой публики, что наши требования не пустыя и праздныя фантазіи, а вызваны онѣ духомъ времени и складомъ всей современ-ной жизни. Это средство — печатное слово.

Пресса болѣе чѣмъ кто либо виновата передъ нами. За что она забыла насъ такъ безбожно? За то, что мы изуродавали свою жизнь, передавая только то, что она натворила, что какъ собаки служили ей сотню лѣтъ? Мы точно незаконныя, безъ вины виноватыя дѣти!

Пресса *должна* помочь намъ, указать кому слѣдуетъ, что мы хотимъ отыскивать одинакового для всѣхъ людей права на существованіе. Иначе — она не пресса, а отвратительная лавченка со старьемъ, гдѣ можно продать и купинть все.

Въ настоящую минуту мы не въ томъ смыслѣ перелстныя идицы, какъ разсказалъ Михайловъ въ своемъ романѣ, а въ томъ, что и между нами началась та осмысленная тревога, которая показы-

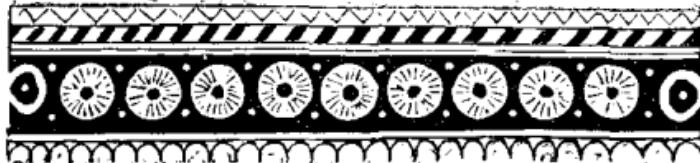

казали. Театръ сдали прежнему антрепренеру съ *шестью тысячной* субсидіей. Народный театръ растаялъ, русскія драм. представленія зимой растаяли...

ваетъ, что нельзя далѣе оставаться на старыхъ мѣстахъ и тянемъ мы рядами въ иную страну. Не велики еще новые ряды, но они есть, а это уже много при нашей сиротливости и безнамощности. Мы не шарлатаны. Мы только поражены вѣковою проказою... Пресса должна доказать, что антреириза нелѣна, потому что эта нелѣность уже сознана нами—работниками сцены. Мы можемъ тормозить ее на каждомъ шагу, слѣд. она уже невозможна; борьба ее съ нами только безсмысличное истощеніе силъ, ея большая гибель и убытки. Другими словами, антреириза можетъ спасти все достойное спасенія, даже свое имя—ея жернова могутъ пособить памъ молоть нашу муку... Это будеть честное дѣло—дѣло любви.

Здравая самодѣятельность актеровъ и участіе прессы—вотъ фундаментъ нашего грядущаго дѣла.

XIV.

Община русскихъ актеровъ.

(*Ничто въ родѣ проекта*).

— Лучше меныше всѣмъ и на всю жизнь, чѣмъ много одному и на одинъ день!

Я не выдаю мой проектъ за совершенный и оконченный: онъ ждетъ замѣчаній и исправленій... На этомъ основаніи мнѣ хотѣлось бы, чтобы эту главу *непремѣнно* прочли. На разсказъ скорѣе киндается читатель: вотъ причина, почему я облекаю мои думы въ беллетристическую форму.

Суббота. Девятый часъ утра. Снѣгъ визжитъ подъ колесами и полозьями... Около

театра никого. Парадный подъездъ еще закрытъ; никого не видно и у актерскаго подъѣзда. Лавки и кафе только что отпираются.

По тротуару бѣжитъ афишеръ, съ кучею афишъ подъ мышкою, съ желѣзнымъ ведеркомъ и мазилкою. Остановился на углу и принялся наклеивать на прибитую доску афишу.

Къ афишѣ подошелъ небольшаго роста господинъ, въ незавидномъ пальто на ватѣ, въ сѣрой рѣшетиловской шапкѣ, и принялся читать: „въ Воскресенье труппою общины русскихъ артистовъ представленъ будетъ „Ревизоръ“... Изъ раскрытыхъ дверей кафе пахнуло запахомъ жаренаго мяса. Господинъ потянулъ носомъ вкусный запахъ и крякнулъ...

— Аль голоденъ? окликнулъ его афишеръ, подбирая афиши и ведерко съ тротуара.

— А тебѣ что?

— Ничего, мы такъ: по Божески значить. Чтобы обидѣть—никогда! Боже мой.

— Добрый, значить?

— Это ужъ не знаемъ. А значить, какъ сами видѣли нужду, то понимать можемъ. Теперь я чуть не съ малыхъ лѣтъ около этого дѣла (онъ указалъ на афиши), всего видаль. И что этой самой ругани—стра-

сти! Отчего нѣтъ афиши тамъ-то? отчего типографія опоздала? Бѣги въ типографію: вмѣсто Тридцать лѣтъ—Клара д'Обервиль. Стой! Вмѣсто Милославскаго—Киселевскій. Пошелъ! Стой! Маршь! Летиши. Въ типографіи: деньги! Жалованья не допросишься... А у насъ тоже жена, дѣтки... А теперь—никогда! Строго, порядокъ. Все равно на часахъ. Потому плата хорошая.

— Хорошая?

— Возьмите то: городъ во какой... двадцать верстовъ! Нешто можно одному? Въ морозы-то, въ визиточкѣ, окрученный тряпичками, за восемь рублей?... Теперь циркъ это бывало говорить: не разноси своихъ афиши! — Извольте, съ нашимъ удовольствиемъ: пожалуйте рубликъ! А теперь никогда, ни Боже мой. Одежа есть, кушать есть... не одинъ... чего-же?

— Сколько-же теперь получаете?

— Двадцать пять. Днемъ — афиши, вечеромъ — капельдинеръ... И имъ выгода, и намъ хорошо.

— Кому имъ?

— Актерамъ-сь... самой этой общины. Прежде бывало капельдинеры сами по себѣ, а мы сами по себѣ. Народу — страхъ! Жалованье маленькое... опять эта самая ругань... какъ не тяпнуть, гдѣ можно? Въ креследоза полтинникъ пропускали... афиши-

ки на вѣсъ въ бакалейныя продавали...
Заболѣль—въ шою! Теперь ни Боже мой
Еще пособять... Значить, не робѣй воробей
Прощайте-сь.

Афишеръ побѣжалъ, помахивая ма-
зилкою.

Господинъ постоялъ съ минуту въ раз-
думы и вздохнулъ:—Рано еще. Хорошо-
бы пока выпить чашку кофе, а на что
выпьешь? Похожу.

Все кругомъ напоминало ему прошлое.
Почти все тѣ же магазины, фирмы... Одинъ
только театръ другой, болѣе роскошный.
Тутъ когда-то онъ служилъ... Видѣть онъ
маленькую комнату, прочитанную запа-
хомъ камфоры, іода. На кровати лежить
блѣдная, безъ кровинки, высохшая, какъ
щенка, жѣнщина, мыкавшая съ нимъ цы-
ганскую жизнь. Сырые театры сдѣлали
свое дѣло: подъ вліяніемъ морфія, она
живетъ почти съ одними неодушевленными
предметами — ей грезится, что ножи ле-
таютъ около нея, иглы движутся, мебель
падаетъ... призываетъ *его*, просить защи-
тить ее, отгоняетъ *его* прочь, прокли-
наетъ... и вдругъ начинаетъ пѣть „баюш-
ки- баю“. — Это она убаюкиваетъ вѣтку
винограда, которая *плачеть*. Съ этою вѣт-
кою она засыпаетъ... Успула она и въ
томъ вечеръ. Это былъ канунъ великаго

дня—великаго христіанскаго праздника, поднимающаго и у закоренѣлого злодѣя съ души что-то особенное... А у него и пасхи купить было не на что! Вышелъ онъ въ другую комнату, уронилъ голову на руки и заплакалъ. Боясь, что рыданія разбудятъ ее, и опять онъ увидитъ ся страдальческій взглядъ, говорящій ему: что со мной сдѣлали?—онъ схватилъ шапку и на цыпочкахъ вышелъ изъ дома. Люди торопились, спѣшили, несли и везли куличи, извозчики не жалѣли клячъ... Ни одного звука, который внушилъ бы ему, чѣмъ обрадовать бѣдную, полуумирающую! Ни продать, ни заложить нечего: часы — подарокъ публики, спущены за безцѣнокъ: фрачная пара, сюртукъ—тамъ-же...

— Федоръ Сергѣичъ, батюшка! окликнули его.

Онъ оглянулся. За нимъ бѣжала З—л—нова, актриса на роли вторыхъ старухъ, спотыкаясь, растрепанная, въ слезахъ, въ одномъ платьинкѣ. Она и еще человѣкъ пять актеровъ были тогда здѣсь проѣздомъ въ Н—к—евъ, который сняли Ф*. и А*, давшіе имъ на дорогу по 25 р. и завѣрившіе ихъ, что „еще останется“. Довѣрчивые, незнакомые съ картой Россіи *),

---

*) Не смотря на свою цыганскую жизнь,

повѣривши, что надо этимъ путемъ ъхать, они были пятую недѣлю въ дорогѣ; иско-
лесили тысячу лишнихъ верстъ въ жидов-
скихъ фурахъ (желѣзной дороги въ описан-
ываемой мѣстности тогда не было), все
заложили, продали и ждали присылки де-
негъ. Обращались къ мѣстнымъ акте-
рамъ: чѣмъ они могли имъ пособить въ
посту?

— Что съ вами?

— У-умер-ла-а... вѣдь умерла!

— Настя!

— Ахъ, батюшка, что я безъ пея...
безъ моей... какъ-же... ахъ!

Ея дѣвочка простудилась дорогою, жа-
ловалась на горло, но опасного ничего
не предвидѣлось. Смерть вчера еще улы-
бавшагося ребенка, хорошенькаго, какъ
ангелъ, сильно поразила бѣдняка, не смотря
на собственное горе.

— Ахъ, мой дорогой... какое дитя, ка-
кое дитя! Всякий кусочекъ мнѣ прежде
отдавала.

— Доктора звали?

— Зв—звала... образъ заложила... Поз-
дно. Теперь гробикъ... гробикъ надо... Ни-

многіе актеры, въ особенности актрисы, не
знаютъ, гдѣ лежитъ какой городъ. — Сооб-
щаемое—грустный фактъ изъ моихъ встрѣчъ.

чего у меня п'ять! Помогите... батюшка...
Милая моя, дорогая моя крошечка!

— Я похлопочу... пойду по товарищамъ...

Усталый, убитый, онъ воротился домой въ одиннадцатомъ часу и зажегъ *послѣднюю* свѣчу. Онъ *ничего* не досталъ ни себѣ, ни на послѣднее жилище своему маленькому собрату!

Ясно, до мелочей отчетливо, встала нередь нимъ эта христовская ночь: хождение на цыпочкахъ, вирсыківанія морфія, вошли, послѣдняя свѣча, трепещущая мать, дѣтскій трупикъ, потомъ колокола, вблизи и вдали, дробясь и сливаясь... и финаль всего — пьяный голосъ хозяина-солдата: „эй! сударики-актеры, разговѣться! къ намъ“!

— Эка, матушка, лѣзете на живаго человѣка! раздалось надъ его ухомъ.

Господинъ торопливо махнулъ рукою по глазамъ, остановился, поднялъ голову и проговорилъ:— „извините“! Онъ былъ у актерскаго подъѣзда и наткнулся на выходящаго рабочаго въ синей суконной блузѣ. Длинная фигура рабочаго, точно складной аршинъ... Подслѣповатые глаза... щетинистые усы... Неужели это Иванъ Евсентьевъ Пучковъ?

— Иванъ Евсентъ! Вы? окликнулъ онъ

рабочаго. Вы... вы! Не узнали? Негровъ.

— Матушка.... Федоръ Сергеичъ, за-
суетился рабочій. Какими судьбами?

Поцѣловались.

— Изъ Курска. Антрепренеръ подиа-
дуль... Какъ-же вамъ живется? Что Со-
ничка? Жива?

— Жива, матушка, жива. Крестнепъ-
каго помнить: красиенъкіе башмачки, го-
ворить, мнѣ купилъ. Въ школу ходитъ.
Школа у насть тутъ своя есть.

— Какъ своя?

— Да, матушка. Есть у насть одинъ ак-
теръ да актриса такая, въ учителяхъ
прежде были, такъ это дѣло до тонкости
знаютъ: сами учатъ. Декораторъ учить
рисовать, дирижеръ—музыкѣ, пѣнью.

— Вотъ какъ!.. Но что вашъ костюмъ
означаетъ. Кѣмъ вы здѣсь?

— Какъ, вамъ, матушка, сказать... У насть
вѣдь нѣтъ того, что вотъ-молъ помощникъ
машиниста ты, такъ больше ничего и не
дѣлай. Все дѣлаю: кулисы переставляю,
холстъ малюю, въ народѣ выхожу. Наша
работа черная! Пятеро насть... Перемѣни-
лись же вы, матушка, Федоръ Сергеевичъ!
Никакъ даже сѣдина....

Федоръ Сергеичъ махнулъ рукою. Раз-
спрашивать дальше Федора Сергеича Пуч-

кову показалось неловко: зачѣмъ будить тяжелыя воспоминанія! — Пучковъ, какъ и Негровъ, не родился на театральныхъ подмосткахъ: оба были приблудные въ театральномъ мірѣ. Пучкова онъ зналъ въ Ч* хозяиномъ фруктовой лавочки, въ О* суплеромъ, въ X* смотрящимъ за выходами, запуганнымъ и забитымъ режиссеромъ-литераторомъ до того, что когда тотъ закричалъ ему: „звони, звони-же, чортъ тебя возьми“! — онъ, ошалѣлый, забывъ, что потерялъ въ колокольчикѣ бильде, принялъся болтать колокольчикомъ, крича со слезами: „да звоню, развѣ не слышите, звоню“! На сцену его бросили *шутники*-актеры. Инымъ актерамъ Богъ знаетъ что лѣзетъ въ голову: чуютъ они, что кто-то треснется и не щадить ихъ, но кто, не могутъ догадаться; и вотъ, давай сами творить надъ слабымъ возмутительныя выходки. Пришилиль товарищу бумажку на фракъ передъ выходомъ, удержать его за фалды, приколотить гвоздемъ на сценѣ одѣваляемыя туфли и т. п. доставляется имъ невыразимое удовольствіе. Пучковъ много лѣть торговалъ въ Ч* фруктами; самыми дорогими и любимыми его посѣтителями были актеры. Онъ очень любилъ театръ. Актеры не стыдились творить на его счетъ выпивку... Онъ невыразимо былъ счаст-

ливъ, что между ними былъ одинъ изъ купцовъ, „нашего поля ягода“, а другой говорилъ по *французски* *) и носилъ фуражку съ краснымъ околышемъ и кокардою („Отставной поручикъ“, обыкновенно рекомендовался этотъ *актеръ*). Этотъ-то французъ-актеръ-поручикъ и к^о, вздумали увѣрить его, что онъ великий талантъ и что ему грѣхъ торговать яблоками. Пушкиковъ повѣрилъ, выхлоопотали ему *пробу* на сценѣ въ присутствіи директора. Свора собакъ тянула по зрячему... Негровъ отозвалъ его въ сторону и сказалъ: „падъ вами смыются“! Бѣдникъ понялъ, что ему намекаютъ на его обдерганный сюртучишко и, утирая ситцевымъ платочкомъ потъ съ лица, дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ:—Я одежду перемѣню — у меня есть другая! Послѣ пробы шалуны повели его съ тріумфомъ въ погребокъ, потомъ въ цирульню, гдѣ и обрили ему усы и бороду: актеру, молъ, не подобаетъ быть съ бородой!—

---

*) Нѣтъ худа безъ добра. «Гувернѣръ» Дьяченко, гдѣ актеры могли блестнуть *воспитаниемъ*, т. е. знаніемъ французскаго языка, иѣкоторымъ образомъ вызвалъ въ провинціальной публикѣ къ актеру симпатіи, даже въ высшемъ обществѣ. Высокооставленныя лица, являясь на сцену, замѣтили отличие этихъ господъ...

потомъ прислали ему, въ первомъ часу ночи, съ разсыльнымъ пакетъ съ ролью Белизаря за фальшивою подписью директора. Восторгу его не было предѣловъ... —Какже-съ, играю! говорилъ онъ покутателямъ, сіяя. Тяжело было разочарование! Двѣ недѣли висѣлъ на его лавочкѣ замокъ, а на третьей уже поселился тамъ „башмачный дѣль мастеръ“; самъ-же Пучковъ навсегда исчезъ изъ роднаго города. Начались безконечные „поцѣлуи“ голода, холода, униженій. Отбиться отъ театра уже не хватало силъ. Въ одной трущѣ, во время загородной гулянки, облизали его пьянецькаго молокомъ и собаки лизали его; въ другую онъ прибылъ на фургонѣ—была гололедица и куски его примерзшей хламиды пришлось ножомъ отѣкатъ. Я не говорю уже о поцѣлуяхъ въ родѣ „скотина“; „подлецъ“, или затрецина отъ взбѣшенныхъ антрепренеровъ и актеровъ. Отъ одного антрепренера, за лѣто и зиму, онъ получилъ *тридцать шесть* рублей... Иять лѣтъ онъ не могъ сбиться на паспортъ *). Послѣдній поцѣлуй дала ему

---

*) Я знаю многихъ актеровъ, которые, просрочивъ свои паспорты, не имѣя чѣмъ платить гильдію, или просто затерявъ бумаги, сдѣлались буквально крѣпостниками ан-

судьба, подкинувъ къ порогу его конурки дѣвочку въ пеленкахъ. Негрова и антрепренершу онъ просилъ окрестить подкидыша... На вопросы о дѣвочкѣ Пучковъ обыкновенно морщилъ лобъ и отвѣчалъ: „золотуха, матушка, грызетъ яблочекъ“! Когда дѣвочка стала называть его *папой*, на сморщенномъ его лицѣ расцвеллаась улыбка. Онъ помолодѣлъ, бросилъ пить. Онъ простилъ *тымъ*... Онъ не останавливался ни передъ какою работою. Самъ стряпалъ, мыль бѣлье, при веселомъ лепетѣ ребенка „папка поворъ“, „папка прачка“. Безъ стыда, безъ позыва въ кабакъ, онъ однажды обернулся тряпичками свои руки и ноги, взялъ молотъ и колотилъ щебень...

Теперь Пучковъ скончалъ навсегда свои мечты о „славѣ“; онъ таскалъ кулисы, мель полъ, а вечеромъ преимущественно стоялъ у *колеса* *).

— Что-же мы, матушка, на холодѣ

тренеровъ: тѣ, вместо того, чтобы выручить, выютъ изъ нихъ веревки. Я знаю актрису, которую проводили по этапу на родину: въ тотъ вечеръ она играла Марію Стюартъ! — Такъ пропало и извелось много талантливыхъ личностей.

*) Колесо, которое спускаетъ занавѣсь.

стоимъ! сказалъ Пучковъ. Пойдемъ въ театръ!

— Изъ актеровъ еще никого нѣтъ?

— Никого. Режиссеръ и секретарь только.

— Что, труппа полная?

— Полная, матушка.

— Это плохо, Иванъ Евсепчъ! я надѣялся...

— Поговорите, матушка, съ ними: можетъ какъ и устроитесь. Сегодня вечеромъ засѣданіе. У насъ вѣдь еще двѣ труппы въ Н и въ М.

— Читалъ, Иванъ Евсепчъ, читалъ.

Вошли. Негрова пріятно поразила теплота и дневной свѣтъ. Онъ ожидалъ, что его обдастъ затхлый, полный иныни, студеный воздухъ и тьма, какъ во всѣхъ театрахъ, гдѣ онъ служилъ.

— Теплый театръ и свѣтло!

— Эге! Не прежнимъ чета. Тутъ не простились, не испортили глазъ. Днемъ у насъ нѣть огня: изъ прежнихъ-то, бывало, выйдешь, изъ тьмы-то, такъ свѣтъ бывало и рѣзаетъ по глазамъ. А тутъ— нѣтъ.

Убирали вчерашнія декораціи. Изъ широкаго отверстія надъ сценою спускали новыя. — Тамъ у насъ декоративный и складочный залы, пояснилъ Иванъ Евсе-

и чь. Веревки, какъ змѣи, лежали на полу. Крѣснѣй, коренастый машинистъ, съ симпатичнымъ лицомъ, въ блузѣ, стоялъ по серединѣ сцены и отъ времени до времени неторопливо командовалъ: — На морѣ! На городъ! Подыми на море *)! Еще! Еще! Довольно!

Рабочіе летали внизъ и вверхъ по лѣстницамъ, веревки жужжали, желѣзные откосы, висѣвшіе на лѣстницахъ, звенѣли... а тамъ, за суплерисю, таинственно темнѣлъ залъ.

— Много получасте, Иванъ Евсентьевъ?

— Мы, матушка, рабочіе — на жалованье: 40 р. въ мѣсяцъ — это ужъ вѣрное; а то еще изъ *прибыли* перенадасть — въ усипенскомъ и въ великокомъ посту бываетъ дѣлежка.

— Что это за *прибыль*?

— Какъ бы вамъ, матушка, это сказать... Когда, значитъ, разсчитываютъ всѣхъ, кого какъ слѣдуетъ, такъ остатокъ-то... ну, и нась не забываютъ.

— Это значитъ барышъ?

— Барышъ, матушка, барышъ. Два раза въ году дѣлятъ. Насъ пять рабочихъ. Вонъ тотъ, съ усами-то, тотъ умѣетъ шить, и ну и помогаетъ шить костюмы; а этотъ, ма-

---

*) Сторона театра, обращенная къ морю.

ленькій-то, пишеть хорошо—роли расписывається; остальные—кто что можетъ... въ народѣ выходимъ... значитъ, за прибыль. За прошлые полгода 80 р. набѣжало на каждого. Жить хорошо! Дѣточъ нашихъ не забываютъ—учатъ со своими. Больно-му помогутъ... Какъ тутъ не стараться! Знай, запузыривай, матушка!

— Ну, а актеры?

— Что-съ?

— Получаютъ-то что?

— Общники-то? Хорошо получаютъ. Довольны. Къ нимъ отчислены машинистъ, декораторъ, дерижеръ, суплеръ, кассиръ... Денежные ссуды есть—для всѣхъ значитъ. На иенсію процентъ отписываются. Тутъ не то, что у антрепренеровъ: тамъ колотишился-колотишился, работаешь-работаешь — все дыра въ карманѣ; а тутъ... запузыривай только, матушка!

Отозванный машинистомъ, Иванъ Евсеичъ исчезъ, пообѣщаивъ „навѣваться въ гостиницу“.

— За супомъ и жаркимъ ко миѣ зай-дсте? послышалось изъ боковой комнаты.

Негровъ узналъ голосъ стараго знакомаго Львова. Изъ афиши онъ зналъ, что Львовъ режиссеръ....

„Злючка“, „извратитель фактовъ“, „жи-

гало", — вотъ что говорили въ оно время о Львовѣ. Онъ кое-что писалъ о театрѣ... Негодованіе у нѣкоторыхъ актеровъ на него дошло до ожесточенія; сбирались его бить; рекомендовали его антреиренерамъ: не приглашайте эту очковую змѣю — не сегодня — завтра укусить! Его не то гнушились, не то боялись... Видя его выходящимъ изъ про-таго кабака, или лѣтающимъ въ коляскѣ съ какой-нибудь барыней, выкачивали въ его жизни много пошлого и грязнаго. Служа въ —скомъ театрѣ вмѣстѣ съ Негровымъ, онъ каждый разъ такъ и обжигалъ его, какъ ёжъ. И все-таки этотъ ёжъ тянулся Негрова къ себѣ. Голова и лобъ были надежные; сѣрые глаза, съ какимъ-то мрачнымъ блескомъ, не допускали лжи... Какъ-то Негровъ звалъ его къ себѣ.—Зачѣмъ это? Слушать ваши надрыванія? Не пойду.—Повести бѣсѣду на чистоту всегда хорошо. Мы оба университетскіе и на сценѣ! Тема хорошая.—Что бесѣдоватъ! Не пары вы мыѣ. Вы воинъ все миссионерствуете. Изругаетесь и исчахнете, а я жить хочу.—Улиткой? — На его лицо легла грусть.—Баловался и я, какъ вы. Бредилъ искусствомъ... отроковицъ спасаль... Теперь денегъ ищу.—Зачѣмъ?—Мягки вы очень...—Окаменѣть надо?—Онъ искоса глянулъ на Негрова и

махнулъ рукою.—Не сойдемся!—и онъ пошелъ съ понурою головою...

Черезъ ибесколько лѣтъ Негровъ узналъ, что Львовъ сталъ во главѣ общины русскихъ актеровъ... и вся его прошлая жизнь стала ему ясна, какъ на ладони.

Негровъ вошелъ въ ту комнату, откуда заслыпался голосъ Львова. Эта была *реквизиторская*. Выборъ реквизитора и бутафорскихъ приадлежностей былъ богатъ и съ толкомъ: видимо не приходилось брать на прокатъ вещей — не малая экономія въ театральномъ дѣлѣ!

— Здравствуйте, Львовъ!

— Господи, кого я вижу! Негровъ, на силу-то!

Обнялись и поцѣловались.

— А я ужъ въ поминанье васъ записалъ. Гдѣ были? что дѣлали?

— Такъ жить, что и не спрашивайте. Скверно жилось! Глаза и голосъ Негрова ясно говорили, что вопросъ старого знакомаго рвался у Негрова тоскою за душу. Рассказывайте лучше о себѣ, о вашемъ дѣлѣ. Съ самаго входа сюда я точно вонсѣ. Боюсь, не брежу ли я? Все иное... И вы помолодѣли: такой живой, не смотрите скомъ.

— Ага—а! засмѣялся весело Львовъ, потирая руки. Нацѣшили котамъ на шею

колокольчикъ: не попадутся имъ въ лапы
такія мышки какъ вы! Тяните всѣ къ
намъ — чѣмъ больше, тѣмъ лучше! Ну, я
тутъ все кончилъ, пойдемъ въ контору...
Вы это что жъ? Безъ мѣста?

— Безъ мѣста.

— Ну и слава Богу. Вы намъ нужны.
Отправимъ васъ въ Н. Каѣ разъ кстати.

Вошли въ контору. Надъ диваномъ висѣлъ чей-то цоясной портретъ въ золотой
рамѣ.

— Стой! Поклонитесь этому человѣку!
сказалъ Львовъ, указывая на портретъ.
Его имя никогда не умреть въ лѣтописяхъ
театра. Онъ своими деньгами далъ воз-
можность осуществить нашу общину... А
вотъ этотъ милѣйшій господинъ, сидящій
за столомъ и вѣчно считающій и вычи-
сляющій, нашъ секретарь и казначей.

Отрекомендовались.

— Разскажите же мнѣ: что, какъ, на
какихъ началахъ у васъ? обратился Нег-
ровъ къ Львову. Я вѣдь ничего не знаю.
Читалъ въ газетахъ, да у меня въ то время
мозги въ потолокъ легли, сердце въ ло-
скутьяхъ было.

— Разскажемъ-сь, разскажемъ-сь. За-
чилиайте папиросочку... Ну-сь. Наицер-
вѣйшая вещь это *цѣль* общины: дать ра-
ботнику сцены и искусству выбраться изъ

того безотраднаго положенія, въ которое они поставлены борьбою труда съ афераю. Каждый актеръ и актриса, служащіе въ нашей общинѣ, приобрѣтаютъ право на *пенсію* (для полпенсіи 15 лѣтъ, для полной 25 лѣтъ). Членомъ можетъ быть всякий, кто внесетъ 10 р. Такъ какъ у васъ оныхъ 10 р. не имѣется, вижу сіе по вашему рызу,—то вручаю вамъ опыте я. Получайте и преподносите любезнѣйшему нашему строчилѣ (Львовъ досталъ десятирублевку и передалъ Негрову)! Любезнѣйший нашъ финансистъ, обратился Львовъ къ секретарю, получайте депежки и выдайте сему господину Негрову билетъ. Ну-съ теперь далѣе. Зачетъ прежней службы будетъ зависѣть отъ благосостоянія кассы: во всякомъ случаѣ, зачисляется не болѣе половины прослуженныхъ лѣтъ, ибо служба была зѣло непотребная. Цифра пенсіи опредѣляется большинствомъ голосовъ выборныхъ отъ всѣхъ трупъ общины не свыше тысячи р. и не ниже двухсотъ р. Касса пенсій, дабы ей окрѣпнуть, начинаетъ свои дѣйствія черезъ десять лѣтъ по открытіи общины. Право на пенсію, по смерти пенсионера, переходитъ въ половинномъ размѣрѣ въ продолженіе трехъ лѣтъ къ его семейству, затѣмъ прекращается.

— Но вѣдь на это потребуются громадные суммы. Изъ чего же онѣ состоятъся?

— Позвольте, не торопитесь. Все расскажемъ. Я уже вамъ сказалъ, что членомъ можетъ быть *всякий*.

— Значить, и публика?

— Значить, и достопочтенная публика. Получасть она взамѣнъ внесенной ею суммы билетъ, дающій ей право входа во всѣ наши театры на известное число спектаклей. Сирѣчь тотъ же абонементъ. Внесший одинъ пай (10 р.) получаетъ напр. рублевое кресло на 15 спектаклей, мѣсто ниже рубля—на 25—30 спектаклей, галлерею на 100 спектаклей (берущему галлерею взносъ разбивается на три срока); внесший два пая (20 р.) получаетъ кресло дороже рубля; пять пасевъ (50 р.) — ложу стоимостью не свыше 4 р.; десять пасевъ—болѣе дорогую ложу и проч. Билетъ сохраняеть свою силу только на тотъ сезонъ, въ который онъ выданъ. Ежегодный взносъ для публики необязателенъ; для актеровъ — обязательенъ. Изъ членскихъ взносовъ составляется запасный капиталъ, 10 проц. съ котораго идетъ на образование кассы пенсій, 5 проц. на кассу денежныхъ ссудъ, остальные 85 проц. на вечеровые расходы (освѣщеніе, оркестръ, афиши,

авторскія, тоцка, парикмахеръ и т. д.), а при излишкѣ на пополненіе возможныхъ недочетовъ въ заработкѣ общниковъ и прислуги, удовлетворяемыхъ изъ рядовыхъ сборовъ. Поняли?

— Понялъ.

— Прекрасно. Для основанія зерна общины, вступили въ началъ между собою въ соглашеніе 26 человѣкъ, къ коимъ принадлежалъ и азъ многогрѣшный: 12 актеровъ, 8 актрисъ, суплеръ, дирижеръ, декораторъ, машинистъ, кассиръ и сей баринъ, титулъ костюм-секретарь. Поклялись мы другъ другу у потаріуса въ вѣриости непреодолимой, ибо претерпѣли много затрудненій, несправедливостей и унижений отъ хозяевъ. Составилась у насъ такимъ манеромъ сумма страшная—цѣлыхъ 260 р.! Препроводили ее въ банкъ. Затѣмъ сѣли мы на рѣкахъ антре-преснерскихъ. Горько заплакали нѣкоторые изъ насъ;—плакали они этакъ нѣсколько лѣтъ. Подъ шумокъ этихъ слезъ, другіе общники небывалой общины — менѣе слезоточивые и болѣе трезвые — въ томъ числѣ двѣ - три барыньки—шиныряли, писали, нюхали, искали... и были по своему счастливы: головы не преклоняли и бисера передъ свиньями не разсыпали. Искали они, прежде всего, хорошаго театра съ субсидіей отъ думы;

а второе—капитала, разсуждая такъ: положимъ театръ мы нашли — явилась такая необычайная градская дума, сдала театръ компании,—далъше что? Дальше— нужны декарациі, костюмы, библіотека. Гдѣ взять? Взять можно. Нужно только свисиуть жидамъ... Дальше что? Дьявольскіе проценты... неснодручиные срочные платежи... новость дѣла... недовѣріе общниковъ... недоброжелательство антрепренеровъ. Скверно. Со всего маху да въ лужу, на потѣху всѣмъ! Остановились на такой идеѣ: надо искать денегъ у человѣка, *понимающаго* благія цѣли общины. Пожертвованіе имъ капитала безъ возврата, а въ крайности, заемъ у него онаго капитала на выгодныхъ условіяхъ,—только это можетъ сразу поставить общину на ту высоту, которая иначе будстъ достигнута десятками лѣтъ, и то при солидномъ развитіи общниковъ, помнящихъ во всякую минуту жизни заповѣдь общинъ: *лучше менѣше всѣмъ и на всю жизнь, чѣмъ много одному и на одинъ день!* А таковое солидное развитіе—виламиписано. „Играю и то и се, умѣю ѿсть, сидѣть заразъ на на двухъ стульяхъ и болыше ничего!“— Ну-съ, мы стояли на распутьї. Вѣво поѣдешь—кона потеряешь, вправо—отъ жажды умрешь!

— Какъ же вы нашлись?

— Мы-то? Мы никакъ не нашлись. Мы представляли изъ себя Францію въ вѣкъ Дѣвы Орлеанской... Изъ столбняка вывела пась женщина. Ея сердце, чуткое къ добру, поняло святость нашей идеи. А коль скоро поняло, наше дѣло было выиграно. Ищите театръ, сказали намъ: деньги даю, вотъ двадцать тысячъ! — Для любимой и любящей женщины все дѣлаются.

Львовъ вздохнулъ.—Да. Минѣ сдается, что все добро и зло, какое есть на землѣ, творитъ одна женщина. Сначала какъ мать, потомъ какъ жена или любовница... Такимъ образомъ у насъ явился *основный капиталъ*. Въ общину нашу вошли пятьдесятъ артистовъ, любимыхъ Россіею; въ карманѣ было 20 т... Здѣшняя дума не задумалась отдать намъ театръ. На первое обзаведеніе мы рѣшили истратить не болѣе четырехъ т. р. (на декораціи, костюмы, библіотеку, парики, дорожная общинаковъ); шесть тысячъ удѣлили на пенсію и ссуды; осталъное положили *не трогать на пополненіе дефицита*, т. е. десять тысячъ и шесть упратали въ банкъ для приращенія процентовъ. Но всѣстѣ съ этимъ мы опубликовали, что желающіе основать труппу на нашихъ же началахъ, могутъ вполнѣ разсчитывать на нашу по-